

Глава первая

Старик досматривал свой последний сон, когда зарево рассвета запылало над поместьем Эдем. На огромной дубовой кровати праотцов ему приснилась победа, одержать которую он стремился всю ночь, и он удовлетворенно проворчал что-то неразборчивое, крепко стиснув чью-то пригрезившуюся ладонь, державшую его руку, словно скрепляя сделку. Именно так и подобало покинуть сей суетный мир Максу Харперу, ветерану тысяч победоносных сражений с природой и стихиями, с людьми и механизмами. Постепенно дыхание его сделалось легким и спокойным. Он затих, обретя безмятежность, а черты его лица смягчились и разгладились, чего никогда не наблюдалось в жизни.

А для девушки, сидевшей у его смертного одра, кошмар только начинался. Долгие часы темноты, наполненные бархатным благоуханием, миновали, принеся вслед за собой неотвратимый прилив ужаса. Подобно высокой волне, паника полностью поглотила ее.

— Не уходи, — молила она, — не оставляй меня, пожалуйста, не уходи... — Поначалу слезы лились ручьем, и она даже испугалась, что они никогда не остановятся. Но часы скорбного ночного бдения тянулись так медленно, что она успела выплакаться, превратившись в комок боли, в котором билось раненое сердце. Словно в горячечном бреду, она искала облегчения в обращении

к неподвижной фигуре, негромким шепотом что-то вопрошая, требуя и клянясь ему в безнадежной любви:

— Как же я буду жить без тебя? Без тебя мне больше не на что надеяться. Ты был для меня всем. Я тянулась к твоим улыбке и руке, а не к улыбке и руке Кейти; я страшилась твоих холодности и равнодушия; я знала твое лицо лучше своего собственного. Но я так и не успела узнать *тебя* — не уходи, не давай мне на это шанса, не уходи, когда ты так нужен мне...

Врач взглянул на часы и кивнул сиделке. Та незаметно выскользнула из комнаты, чтобы подать знак к началу последнего ритуального действия. Со всех концов необъятных просторов Северной территории Австралии на автомобилях, вездеходах, вертолетах и легких самолетах друзья, знакомые и деловые партнеры умирающего магната устремились в Эдем. Они собрались в обшитой темными дубовыми панелями библиотеке огромного каменного особняка и столпились под портретом человека, чья жизнь и труд когда-то свели их вместе, а теперь его уход лишь крепче сплотил их. Они были напряжены, но не испуганы: Макс Харпер обеспечил им будущее, так же как раньше всегда контролировал их прошлое.

Снаружи, в сгущающейся духоте пыльного полудня терпеливо ждали аборигены, собравшиеся со всех уголков овцеводческой фермы. Йови, дух, предупреждающий о приближении смерти, уже шепнул на ухо одному из их соплеменников, который оказался достаточно мудр, чтобы услышать его. И потому они пришли сюда, чтобы встретить смертный час старика и отдать почести его последней мечте. И теперь, знойным днем, они, не мигая, взирали на величественную старинную усадьбу, на самолеты, на два вертолета и на огромное количество припаркованных автомобилей, покрытых толстым слоем пыли.

На окружающий мир снизошла тишина. В небе добела раскалилось безжалостное солнце. Но даже два самых

юных представителя собравшихся, братья Крис и Сэм, застыли в неподвижности. Они ждали с покорным безучастием, поскольку знали, что происходит в доме, и души их готовы были смириться с неизбежным. Благодаря вековечному единению со всеми живыми существами они безошибочно уловили тот момент, когда Макс Харпер переместился из этой жизни в бескрайние просторы вселенной, прибежище Отца Всего Сущего, дабы обрести новое воплощение после смерти.

В полутемной спальне душную неподвижность нарушало лишь частое и неглубокое дыхание крупного мужчины на кровати. И вдруг он испустил глубокий вздох, оборвавшийся коротким хрипом, — душа покинула его тело. Врач быстро шагнул вперед и высвободил тяжелую руку мужчины из девичьей ладони. С профессиональной невозмутимостью он проверил пульс и, убедившись в его отсутствии, опустил руку покойного на постель. Встретившись глазами с безумным вопрошающим взглядом девушки, он медленно кивнул.

А она, словно в тумане, выступила вперед и, не издав ни звука, опустилась на колени перед кроватью. Взяв руку покойного в свои ладони, она покрыла ее поцелуями и на мгновение прижала к щеке, еще не просохшей от слез. Но от знакомого прикосновения шершавой мускулистой руки они потекли вновь, медленно и неудержимо. Лицо ее при этом оставалось застывшим, словно маска, — нет, она не позволит себе расплакаться навзрыд.

Спустя некоторое время она выпрямилась, поднялась на ноги и смахнула слезы. Бросив последний долгий взгляд на мужчину в постели, она направилась к двери и деревянной походкой зашагала по коридору. В окно она мельком заметила собравшуюся снаружи скорбную толпу. Одна из аборигенок вскрикнула, схватившись за голову, и затянула гортанный монотонный напев, который подхватили остальные:

— Ниннана комбеа, иннара ингуна карканиа... О Великий Дух, Отец Всего Сущего, дубы болот вздыхают и плачут, эвкалипты роняют кровавые слезы, ибо вечный мрак поглотил одно из твоих созданий...

Умиротворенная напевом, девушка справилась со своими чувствами и вошла в библиотеку. Ее появление стало тем сигналом, коего ждали собравшиеся там люди, и все разговоры немедленно стихли. Лица присутствующих обратились к ней. Каждому из этих мужчин была присуща яркая индивидуальность, выделявшая его в толпе. Но первым среди равных, несомненно, считался Билл Макмастер, директор-распорядитель компании «Харпер Майнинг» и ее филиалов. Он незамедлительно отделился от остальных и подошел к одинокой и жалкой женской фигурке, застывшей в дверях. На лице его, грубоватом и обветренном, отобразилось сострадание, когда ее маленькая ладошка утонула в его руке, и он, неразборчиво бормоча слова утешения, мягко увлек ее за собой, к гостям.

Из глубины комнаты выступила вперед Кейти, экономка Эдема, держа в руках серебряный поднос с бокалами, в которых пенилось шампанское. Подавленная и утратившая природную жизнерадостность, она не могла заставить себя взглянуть на девушку, которую знала с самого детства, и потому довольствовалась тем, что принялась молча разносить напитки. Сделав глубокий вдох, девушка с показным спокойствием обратилась к присутствующим, подняв свой бокал:

— За Макса Харпера. За моего отца. Мир праху его.

После того как все выпили, вперед выступил Билл Макмастер. Оказавшись в фокусе всеобщего внимания, он поднял свой бокал, салютуя огромному портрету Макса, который занимал центральное место в комнате, приковывая к себе взгляды всех собравшихся в библиотеке.

— За Макса Харпера! — начал он свою речь. — Этот старый тиран был чертовски хорошим боссом и славным

малым. Такие, как он, встречаются по одному на миллион. То, чего он не знал о горном промысле, не стоит даже упоминания. Мы обязаны ему всем. Были и будем. То, что мы делали для него, мы сделаем и для тебя, девочка. Можешь рассчитывать на нас. До тех пор пока во главе корпорации «Харпер Майнинг» стоит тот, кто носит фамилию Харпер, все будет в порядке. Итак, ребята, давайте-ка поднимем бокалы, и на этот раз — за Стефани Харпер. Пусть она окажется достойной дочерью своего отца, и пусть «Харпер Майнинг» и дальше процветает, теперь уже во главе *с нею!*

— За Стефани Харпер! За Стеф! За Стефани! — По комнате прокатился гул приветственных возгласов.

Стефани, ошеломленная и подавленная, едва расслышала и половину добрых пожеланий. Но смысл, заключенный в них, проник в ее сознание, словно круги на воде, расходящиеся от брошенного в пруд камня. «Король умер — да здравствует королева! Королева? Где, здесь? Я — королева Эдема, где правил мой отец». Она в страхе вскинула голову. Над нею яркими красками горел портрет отца. Стефани встретила его взгляд, этот знаменитый ястребиный взгляд, и сорвалась.

— Нет! — Пронзительный крик слетел с ее губ, приводя в замешательство тех, кто оказался рядом, и до смерти перепугав ее саму. — Я не могу! Не могу! Не могу!

Дрожь всем телом, отталкивая протянутые к ней руки, она попятилась, развернулась и выбежала из особняка. Ничего не видя перед собой, словно одержимая, она устремилась к конюшне. Аборигены бесстрастно смотрели, как она безумным галопом промчалась по длинной подъездной аллее, проскочила ворота Эдема и затерялась в благословенных бескрайних просторах холмистой, поросшей невысоким кустарником местности. Только здесь она могла оставаться самой собой. Только здесь она могла дать волю своему горю. Могучий вороной жеребец уносил ее все